

Царский блицкриг

В ВИХРЕ
ВРЕМЁН

Боже! «попаданца»
хранят

Герман РОМАНОВ

«Попаданец» на троне

Герман Романов

**Царский блицкриг. Боже,
«попаданца» храни!**

«Яуза»

2012

Романов Г. И.

Царский блицкриг. Боже, «попаданца» храни! / Г. И. Романов — «Яуза», 2012 — («Попаданец» на троне)

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Попаданец» на троне» и «Самодержавный «попаданец»! Кульминация царствования нашего современника, заброшенного в тело императора Петра III. Подавив гвардейский мятеж и удержавшись у власти, модернизировав Россию и превратив ее в передовое государство Европы, он готов исполнить вековую мечту русского народа – отбить у неверных Константинополь и вновь водрузить на Святую Софию Православный Крест. По плану «попаданца», войну должно выиграть всего за месяц – это будет настоящий ЦАРСКИЙ БЛИЦКРИГ! Перевооруженную Ломоносовым и Кулибиным русскую армию на Царьград ведет фельдмаршал Суворов. Десант на Босфор возглавит адмирал Ушаков. Первые броненосцы и винтовые фрегаты под Андреевским флагом разгромят в бухте Золотой Рог парусный турецкий флот, а русские батареи под командованием Наполеона, поступившего на царскую службу под именем генерала Бонапартова, расстреляют на входе в Дарданеллы спешащую на помощь османам эскадру Нельсона... Боже, «попаданца» храни! «Победой прославлено имя твое, / Твой щит на вратах Цареграда!»

Содержание

Пролог	5
День первый	10
Черное море	10
Адрианополь	12
Петербург	13
Остров Шумагина	15
Черное море	16
Адрианополь	18
Петербург	19
Остров Шумагина	20
Черное море	22
Адрианополь	24
Петербург	26
Остров Шумагина	27
Черное море	28
Адрианополь	29
Петербург	31
Остров Шумагина	33
Черное море	34
Адрианополь	36
Петербург	38
Остров Шумагина	40
День второй	42
Босфор	42
Адрианополь	43
Стокгольм	45
Дарданеллы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Герман Романов

Царский блицкриг. Боже, «попаданца» храни!

Пролог Бургас 17 июня 1797 года

– Государь-батюшка! Время терять нельзя. Пора настала!

Маленький худощавый фельдмаршал, о чем свидетельствовали густые эполеты, в чашке которых отливали золотом перекрещенные жезлы, задорно потрянул седым хохолком.

– Неугомонный ты, Александр Васильевич! Сколько лет тебя знаю, а все торопишься. Не навоевался еще?

– Так Царьград впереди, батюшка. Промешкаю, а флотские ухари у меня его и вырвут. Или Бонапартов, ушлый больно! Нет, государь, пора!

– Пора так пора. Отдавай приказы, я теперь тебе больше не начальство, фельдмаршал. – Император притворно вздохнул, пожав плечами, и искоса глянул на покрасневшее от возбуждения лицо Суворова.

Старик его поражал вот уже тридцать пять лет со времени первого знакомства. Действительно – полководца такого калибра русская армия никогда не имела: ни до этого дня, ни после. И в советской тоже не было, ибо главная заповедь наводящего на турок суеверный ужас «Топал-паши» такова – войей не числом, а умением!

– Разреши идти, ваше императорское величество?!

– А что так по ранжиру спрашиваешь, Александр Васильевич?

– А чтоб ты передумать не успел, батюшка, – Суворов лукаво улыбнулся в ответ.

Петр только пожал плечами – хитер фельдмаршал, палец в рот не клади. Авангард под командованием князя Багратиона уже сутки на марше, главные силы с утра на юг пошли – Суворов хоть в городе пока здесь с ним, но свою армию всячески поторапливает, тем паче главные силы османов разгромлены, и султан собирает разбежавшиеся остатки у Константинополя.

И спешка объяснима – флот адмирала Ушакова из Севастополя вышел, сегодня-завтра будет здесь, в Болгарии, что на верность российскому императору уже присягнула.

Отсюда рывок будет сделан на Босфор, с высадкой десанта гвардии и морской пехоты в Проливах. Тем более на Галлипольском полуострове бригада генерала Бонапарта и эскадра контр-адмирала Сенявина турок наголову разгромила и оттуда на столицу тоже идти начинается.

Этому лихому корсиканцу и молодому моряку тоже лавры освободителей Царьграда покоя не дают, куда уж там спать. Желающих много, только главный приз один – вот старый фельдмаршал и спешит всячески, да своих и без того ретивых генералов поторапливает, хотя те и так вперед борзо рвутся.

– Не передумаю, но и ты... Смотри за моим младшим сыном, горяч он больно. Тебе одному доверяю...

– Не сомневайся, батюшка, присмотрю. А ты себя береги, не верю я корабликам этим.

– Поберегу, – отозвался император и тоже поднялся с раскладного походного стульчика, подошел к фельдмаршалу, посмотрел тому прямо в глаза – они были почти одного роста, ну, может, полководец на ноготок ниже.

– Ну, с Богом, Александр Васильевич. – Они раскрыли друг другу объятия, сжав руки на спинах. Трижды, по русскому обычаю, расцеловались.

И все – больше слов было не нужно, и фельдмаршал своей знаменитой походкой, чуть прихрамывая, стремительно вышел из комнаты.

Именно эта еле видимая хромота и стала для турок главной приметой, и со страхом нарекли они Суворова «Хромым пашой».

– Бог ты мой, а ведь тридцать пять лет прошло, – прошептал император, медленно пройдясь по шатру. Остановился, подумал немного и усмехнулся, добавив шепотом: – Без двух недель. Кто бы знал...

Петр Федорович усмехнулся – все эти долгие годы он не только сидел на престоле самой большой и процветающей империи мира, но и был монархом. Вернее, стал им, хотя поначалу ему казалось, что он играет в студенческом спектакле какую-то чересчур затянувшуюся роль.

– Сходил за водочкой, – усмехнулся император, вспомнив, как в далеком отсюда 1992 году он, тогда молодой студент исторического факультета, отправился в рождественский вечер отоварить карточки, дабы опохмелить своих страждущих собратьев, почитателей музыки Клио. Не удалось...

Точнее, водку в комнату он передал, но сорвался с водосточной трубы и угодил прямо в канализационный коллектор, с которого предприимчивые людишки уволокли люк. И темнота в глазах, вспышка – это все, что он увидел в последний миг т о й жизни.

– Мистика, – прошептал Петр, припомнив, как за полчаса до падения он встретил ведьму, или как ее там – прорицательницу, что ли. И та ему еще семьдесят лет жизни напроорочила, и как в том фильме – «Царем будешь!».

Императором-то он стал, угодив в тело Петра III Федоровича, по совместительству герцога Голштинского, но в смутное время.

На следующий день в Петербурге гвардия устроила переворот, возведя на престол его жену, Екатерину Алексеевну.

Кранты были бы полнейшие, но он, памятуя о судьбе незадачливого венценосного тезки, убитого в Ропше, дожидаться плачевной участи для себя не стал, оперся на помощь фельдмаршала Миниха, на флот и армию, и сам устроил гвардии «Варфоломеевскую ночь».

Как он тогда не хотел лить кровь, мучило до тошноты, но оказалось, что репрессии против мятежной знати большую пользу принесли. И ему лично, и России. Шутка ли – крепостное право де-факто на сто лет раньше отменили, хотя юридически лишь десять лет тому назад.

И страна разом получила мощнейший толчок к развитию – города и заводы, старые и новые, растут прямо на глазах. Университеты и школы везде открывают. А население, будто опара на дрожжах у заботливой хозяйки, за эти годы больше чем удвоилось. А сколько людей вокруг толковых, и все при делах, не за страх, а за совесть могущество российское приумножают.

Был в той истории князь Потемкин-Таврический, много на юге страны сделал. Но не совершил и половины того, что обязан был, – сибаритом жил, любителем женщин и неги, пыль в глаза пускать умел, недаром высказывание про «потемкинские деревни» нарицательным стало.

Здесь тоже Григорий Григорьевич светлейшим князем стал, но Амурским. И прославился своими «потемкинскими станицами», но уже отнюдь не бутафорскими.

Это надо же – всего за двадцать пять лет, четверть века, вдоль Амура и Уссури плотная цепь казачьих поселений протянулась, надежно дальневосточные границы охраняя.

Сахалин и Курилы присоединил к России, теперь в будущем японцы не повакают. И живет до сих пор, здоровье чисто сибирским стало, а ведь несколько лет назад в той истории он должен был дуба дать от излишеств – вот что постоянные труды делают!

А братья Орловы отнюдь не гвардейскими шалопаями стали, пьянками, драками да расхищением казны известные. Какое там – Григорий, бывший любовник жены Като, тоже светлейшим князем сделался, но Аляскинским.

Братья Алексей и Федор получили графское достоинство и приставку к фамилии. Первый стал Калифорнийским, а второй – Гавайским. Великое им спасибо от России – золото Клондайка тонким ручьем в казну потекло.

Вначале по чуть-чуть, каплями падало, потом струйкой, затем ручейком, ну а спустя четверть века после начала добычи по две с половиной тысячи пудов в Николаевск-на-Амуре доставлять стали русские корабли каждый год. В честь младшенького сына Николая князь Потемкин порт этот важный назвал, провидец прямо, угадал с историческим названием.

– Като, Като, – Петр помянул жену – обретенную любовь в жизни. Первую помощницу в делах тоже. Трех сыновей родила, две дочки красавицы. И обе уже королевы – Дании и Швеции, – он им выгодные партии устроил. Хоть и пожелтели пруссаки от такого шага – очень им хотелось свою Восточную Пруссию обратно получить в качестве приданого.

– А шиша с маслом не хотели?!

Петр хрипло рассмеялся, припомнив, как дурачил много лет назад старого короля, «доброего дядюшку Фрица».

Теперь Кенигсберг исконная русская вотчина, тамошние немцы лучшие подданные, трудолюбивые и дисциплинированные. Пруссакам местным к самой Пруссии уже никакого дела нет, их к Берлину калачом не заманишь. Еще бы – жить в процветающей империи намного лучше, чем в королевстве, что войну на два фронта ведет.

– Ну и как тебе, «Толстяк», польский дятел в заднице?!

Петр усмехнулся – племянник Фридриха Великого отличался завидной дородностью, если говорить дипломатически корректно, но не сейчас в приватном размышлении делать политические реверансы.

Старого польского короля Станислава, или по-простецки Стася, как любила именовать его гонористая и беспокойная шляхта, любовника жены в молодости (было дело, что ж греха таить), с престола убрали.

Сейчас в Варшаве правит «начальник государства» Тадеуш Костюшко и кусает пруссаков с австрийцами, как только может. Те с радостью «разделили» Польшу, пригласив к дележу и русских, вот только Петр от такого предложения благоразумно уклонился. Зато сейчас хорошо со стороны смотреть, как ляхи насмерть с немцами сцепились.

– Любо-дорого, – пробормотал Петр.

Теперь момент был удобный, и он объявил, что в условиях заматни и войны вынужден взять под покровительство и защитить от истребления «диссидентов» – так поляки именovali православных украинцев и белорусов, коих даже за людей второго сорта не считали. Но идти за Буг войскам категорически запретил – там чисто польские земли, а потому вопрос возникает резонный – а оно нам надо?

Австрия и Пруссия, мало что на западе с революционной Францией сцепились, теперь и на востоке с польскими инсургентами войну ведут, хотя варшавские «якобинцы» отнюдь не революционеры в чистом виде. Голодраная шляхта, свои привилегии отстаивающая, весьма многочисленна и криклива – ведь каждый пятый в Польше шляхтич, а третий себя паном считает. Как тут не забузишь?! В крови это!

– Ваше величество, разреши завтрак подать?

Петр с улыбкой посмотрел на арапа – совсем состарился Нарцисс, но категорически отказался пенсию получать. Привык, и хоть монарха почитает и любит, но отношения их связывают чуть ли не родственные. Еще бы им не быть – столько лет и зим вместе, огонь и воду прошли.

– Конечно, подавай! Проголодался уже, с утра маковой росинки не было! И кабинет-секретаря позови! Где Рейстер с Денисовым?

– Сейчас, государь, – арап поклонился и вышел. А Петр, подойдя к окну, загрустил.

Рейстер и Денисов были при нем и также командовали лейб-егерями и лейб-казаками. Вот только это не они, старые проверенные друзья, а их сыновья. Уже взрослые, матерые воины, а Лука Денисов так и постарше своего отца будет, когда Петр с лихим казаком в Петергофе семеновцев из дворца вышибал.

И ничего тут не поделаешь – годы свое берут. Ему самому уже шестьдесят восемь годов. Должно, если судить по возрасту настоящего Петра Федоровича. А так как студент Петр Рыков младше царя на добрый десяток лет, то случилось чудо, на которое фельдмаршал Миних первым внимание обратил – умен был старик.

Душа, или психо-матрица, этот научный термин сам себе Петр подыскал, резко омолодила организм. И на жену заодно перепало – детей ведь от него вынашивала, а Коленьку совсем поздно родила, за три года до пятидесяти.

Вот чудо было так чудо. А потому супружеская чета императоров едва на полтинник тянула, морщинки и седина только сейчас пошли. Да и здоровье, тьфу-тьфу, пока не подводило, хотя возраст, конечно, чувствовался. Кости к непогоде ломило, давление прыгало, да и болел организм то там, то тут. Но приступами, не постоянно.

– Ваше императорское величество...

– Присаживайтесь, ждате царя заставляете, – Петр с улыбкой посмотрел на вошедших – молодые, кровь бурлит. Впрочем, чего жаловаться – и он еще не слишком стар, в рухлядь не превратился.

– Государь...

– Да ладно вам, это я так на вас ворчу, по-отцовски. – Петр усмехнулся, ведь по здешним понятиям он младшему Рейстеру вторым отцом был, крестным, а это много значило.

Луке же своему старый Денисов наказ родительский дал, тут тоже отношения почти родственные были, чисто казачьи. Но строгие – Петр этой парочке спуска не давал, а за службу вдвойне с них требовал – все ж свои люди, можно и построже спросить. И уверен был в сыновьях своих друзей – не предадут никогда, в отцов породой пошли!

Впрочем, так же, как и в их подчиненных – и старообрядцы, и донцы тоже преемственность устроили. Все же тридцать с лишним лет прошло. Отцы службу давно покинули, на их место, да с наказом строгим, сыновья пришли, и даже внуки.

А потому тянут лямку истово, чтоб позора на седую родительскую голову не пало. Честью заслуженной гордятся – с самим императором на «ты», «государем-батюшкой» величают.

И царь их в ответ привечает ласкою, про отцов всегда вспоминает и добрым словом их службу хвалит. Ему самому даже приятно былое вспомнить, зато как горят глаза казаков и егерей, когда их родителя государь хвалит и поклон от себя просит передать, а то и подарок.

Полковник в защитной егерской мешковатой форме и войсковой старшина в синей донской были на друг друга похожи. Оба бородаты до неприличия, кряжисты, не улыбкивы.

Третьим зашел молодой подполковник, лицо словно топором вырублено. Стар стал Дмитрий Васильевич, и почитай пятнадцать лет Петр кабинет-секретаря подобрать не мог. Требования больно жесткие ставил да произвольно с Волковым ассоциировал.

И надо же – два года назад совершенно случайно нашел в лице скромного офицера военного министерства. По фамилии Аракчеев. Да-да, тот самый, что вызывал лютую неприязнь декабристов и самого Пушкина.

– Важные депеши, государь, – негромко произнес секретарь и протянул свернутые трубами письма. – От ее величества. И из Варшавы от...

– «Горящие»? – только и спросил Петр. И, уловив движение бровей своего помощника, с усмешкой сказал: – Тогда позавтракать успеем, новости подождут. А ты, Лука, молитву читай,

да к трапезе приступим, ибо мыслю, скоро у нас не будет времени не то чтобы поесть, но и лоб перекрестить. Пора настала, и время не ждет...

День первый 27 июня 1797 года

Черное море

Палуба 100-пушечного линейного корабля «Киев» ощутимо подрагивала, но гигант ходко скользил по лазурной глади тихого Черного моря. На грот-мачте лениво трепыхался большой желтый флаг с черным двуглавым орлом, хищно раскинувшим в стороны лапы.

Петр задрал голову с улыбкой на губах, с нескрываемой гордостью посмотрел на свой личный штандарт, что сигнализировал всей эскадре – император пребывает здесь, на флагмане.

Хотя какая тут эскадра?! Весь славный Черноморский флот, около сотни вымпелов, сейчас медленно стягивался к Босфорскому проливу, надеясь с ходу пройти узости и всей силою вломиться в Константинополь, как матерый кабан в камыши.

– «Кабан»? Хм...

Император задумался – мысль показалась ему удивительной. А ведь с этим «зверем» заклятые рыжеволосые друзья изрядно повозятся, это им не несчастных лис по чистому полю собаками травить. Тут противник у них будет намного серьезнее, с «клыками» и «непробиваемой шкурой»...

– Странные времена приходят на море, ваше величество. Дымят и дымят, и хода не снижают.

Высокий моряк, с покатыми, но широкими плечами, с просмоленным ветрами и солью лицом, показал рукою, с зажатой в ладони подозрительной трубою, далеко вперед в направлении на берег.

Петр оторвался от размышлений и посмотрел в указанную заслуженным адмиралом сторону. Там, в густом черном шлейфе, медленно продвигались пять кораблей небывалой дотоле конструкции. Три больших, высокобортных, ныне именуемых винтовыми корветами, и два малых, кургуzych, с изрядной долей черного юмора окрещенных императором в «безбашенные» броненосцы.

Петр три года тому назад припомнил однажды прочитанный сюжет про броненосный корабль конфедератов «Мерримак», или «Вирджинию», как его порой называли, что навел жуткий ужас на «северян» в годы Гражданской войны в Америке.

А потому, как только была подготовлена техническая база, приказал спроектировать и незамедлительно построить парочку подобных кораблей, при одном взгляде на которые у выдавших виды русских адмиралов дружно отвешивались челюсти.

Еще бы – и полсотни метров в длину не будет, но толстые, как сардельки или надутые через соломинку игривой деревенской ребятней болотные лягушки. Борта низкие, в хорошую волну волны запросто захлестнут, и потонут они как топоры, славно сгинув, только одни пузыри пойдут. Зато броня имеется, если, конечно, применимо к ней это слово. Обычные железные бруски, прокованные паровым молотом, но толстые, в пять дюймов, состыкованные рядами и хорошо закрепленные. Да еще за ними чуть ли не с аршин мореного дуба, что сам по себе являлся надежной опорой и защитой.

В центре корабля каземат, с которого растопыренными пальцами нового русского торчат две трубы из толстого листового железа. В узкие пушечные амбразуры, прикрытые «бронированными» портами, хищно глядит дюжина широких «рыл», по шесть с каждого борта, единственные на флоте 68-фунтовые пушки, именуемые бомбическими орудиями.

Эти первые в мире винтовые «броненосцы», названные им за «упитанность» и грозный вид «Вепрь» и «Секач», произвели на русских адмиралов ошеломляющее впечатление, намного большее, чем раньше пароходы с огромными колесами по бортам.

Поначалу моряки сочли их очередной причудой императора, который выбросил на ветер немалые деньжищи. Уродцы получились хоть куда, толстые до безобразия, да еще с «кабанными» названиями.

Именно к последним прицепились острые на язык молодые морские офицеры, отчего отечественные «мерримакс» получили от них вторые имена, уже «свиные», насквозь неофициальные – «Хряк» и «Боров».

Ирония понятна, ведь появление первых пароходов было воспринято моряками достаточно скептически – чадающие копотью лоханки, уступающие в скорости боевым, чисто парусным кораблям. Единственное их достоинство в том, что штиль не страшен, да против ветра чапают по воде намного быстрее любого парусника – ведь тому лавировать приходится.

Прогресс на русском флоте прижился, пусть не сразу и с долгими мучениями. Однако ведь сам флот слишком молод, даже возмутительно молодой. Некоторые старики еще помнили его основателя, императора Петра Великого. Потому нововведения принимались в России намного легче и спокойнее, не было еще таких устойчивых и жестких морских традиций, как у сыновей Туманного Альбиона.

Адрианополь

– Пулей опрокидывай да на штык бери! Вперед, ребяташки, вперед – сминай супостата! Молодой генерал, два года назад перешагнувший тридцатилетний рубеж, но уже закаленный в войнах ветеран, кричал знакомые всем русским солдатам слова из суворовской «Науки побеждать».

Да и сам князь Петр Иванович, из рода грузинских царей Багратиони, был самым ярким представителем школы знаменитого русского фельдмаршала, исповедующей четырехсловный принцип – «Глазомер, быстрота, натиск – победа!».

– Вперед, братцы! Умрем за веру православную!

Призывы любимого солдатами генерала были сразу поддержаны служивыми – густые цепи знаменитого на всю армию гвардейского Апшеронского полка в клубах порохового дыма покатались вперед, к возвышенной цепи небольших холмов, что закрывала путь к заветному Адрианополю, городу, основанному византийским императором и переименованному турками в Эдирне.

Полуденное солнце прожарило воздух, серая земля, казалось, раскалилась, как сковорода для грешников. Но привыкать ли к тому русскому солдату?! Враги, чай, тоже из плоти и крови сотканы, не монстры какие-то, а простые люди – им также тяжело.

Османьы огрызались отчаянно, холмы местами заволакивало густым пороховым дымом – время от времени над русскими пролетали ядра, с шипением раздвигая воздух.

– Скверно турки стреляют, ваше высочество! Вы не находите?!

Молодой полковник в мундире Генерального штаба только молча кивнул на восклицание генерала Багратиона – его глаза были прикованы к полю разворачивающейся баталии.

Это было первое сражение для великого князя Константина Петровича, в котором он лично участвовал. До этого дня фельдмаршал Суворов строго-настрого приказал ему в бой не лезть и вот сегодня послал с приказом к командующему авангардом, дабы князь еще глубже попытался обхватить турецкие позиции и разгромить воинство Фархада-паши, плотно перекрыв туркам дорогу к Проливам.

Хотя было бы точнее назвать семитысячный отряд князя Багратиона арьергардом – главные силы русской армии уже взяли Мидию и рвались на юго-восток, к Константинополю, заветному Царьграду.

2-я гвардейская дивизия пошла в наступление в противоположную сторону, на юго-запад, к Адрианополю, туда, где ошеломленные стремительным русским натиском османьы напрягали последние силы, чтобы нанести сильный удар по тылам наступающей без оглядки русской армии.

Константин Петрович прекрасно знал по своей штабной работе, что сейчас османьы лихо-радочно собирают здесь все что можно, пытаются спешно увести уцелевшие части из Болгарии, где победно наступали войска Дунайской армии генерал-аншефа Кутузова. Там русские тоже добились впечатляющих успехов, да и местное болгарское, греческое и валахское население поголовно восстало против турецкого владычества, яростно поддерживая своих освободителей, православных единоверцев.

Горячее молодое сердце билось так сильно, словно норовило выпрыгнуть из его груди. Первый бой, как первая в жизни любовь, – всегда желанен, но не всегда милостиво обходится. А ведь Константин Петрович всего на пять лет младше Багратиона – но генерал окутан славой, как римский триумфатор тогой, а тут...

Петербург

– Эти французы – исчадия ада! Как их только земля носит?! Они дерзнули не только лишить жизни своего монарха, но и поднять руку... Бедная и несчастная моя сестра...

Императрица непритворно всхлипнула, дряблые щеки задрожали, в поблекших глазах выступили слезы. Екатерина Алексеевна приложила кружевной платочек к носу.

– Ваше императорское величество...

Английский посол склонился в поклоне, а сам тихо пожелал только одного – чтобы русская царица не впала в очередную истерику. Она с ней часто в последние годы приключалась, особенно когда речь заходила о французах, что устроили у себя революцию и подняли руку, вернее топор гильотины, не только на помазанника божьего, но и на его жену. Сейчас вся Галлия залита кровью, революция алчно пожирала своих детей.

– Поверьте нам, ваше императорское величество. Мой король и лорды, весь парламент и народ, мы все с негодованием относимся к происходящему во Франции...

– Это все проклятые революционеры. – Императрица отняла платочек от лица – красные глаза смотрели с такой яростью, которую трудно было представить у женщины столь почтенного возраста.

– Они получают то, что заслуживают. Скоро все наши армии обрушатся на них... И раздавят, как мерзких клопов!

Посол внутренне напрягся – как бы не впала в истерику царица, ибо немецкая принцесса в ней давно исчезла, а взамен вылезла, как это говорят сами москвиты, баба!

Императрица судорожно дернула головой, словно подзабыв хорошее германское воспитание и привитые с детства манеры. Посол терпеливо ожидал, когда она заговорит с ним снова, искренне радуясь, что в кабинете не стоит старушечий запах увядающей женщины, который ни одними духами и благовониями не заглушить.

– Ваша страна тоже перенесла революцию в свое время, но быстро опомнилась от этого кровавого безумия. Но вы, англичане, не французы – у тех ветер в голове гуляет всегда. Это они поддержали ваши мятежные колонии в Америке, что тоже исповедуют гнусный республиканизм. Знайте же, что все беды идут только от них, этих мерзавцев! Они – бельмо на глазу у всех монархов. Да сохрани нас Господь от этой нечисти!

Императрица неожиданно повернулась к нему спиной и, обойдя письменный стол, подошла к иконостасу, что сверкал золотом и серебром богатых окладов. Женщина принялась негромко молиться на русском языке, широко крестясь по православному обряду.

Посол еле заметно поморщился при намеке на казнь английского короля Карла во времена Кромвеля полтора века тому назад, но вида не подал. Наоборот, сам перекрестился, глядя в изогнутую спину молящейся русской императрицы.

Он успел заметить, что этим делом женщина занималась довольно часто – толстая подушка, на которую Екатерина Алексеевна встала на колени, была уже порядком потерта.

С невозмутимостью истинного британского джентльмена посол сохранял приличествующее выражение лица.

Русская императорская чета славилась на весь мир своим ханжеством и скаредностью, и уже давненько никто этому не удивлялся. Хотя никому в голову из монархов не пришло бы превращать свой кабинет в молельню. Никому, кроме этих свихнувшихся германских супругов, что любого русского переплюнут в своей набожности.

Ханжи!

Но ни один мускул не дрогнул на лице посла – ко всякому привык за годы служения британской короне. И англичанин, как бы демонстрируя участие и хорошие манеры, с самым скорбным видом снова перекрестился, но слева направо, как учит истинная христианская вера

и англиканская церковь, а не ее схизматические отклонения, вроде этого православия, как раз подходящего для московитских варваров.

Хотя если бы потребовалось для блага британской короны, то он тоже бы отбивал земные поклоны и даже – о ужас для настоящего джентльмена, привыкшего к бренди с пивом и ростбифу с кровью, – соблюдал даже их затяжные посты с этим жестоким вегетарианством.

Какие глупости!

Остров Шумагина

Солнце не могло пробить своими лучами густую туманную дымку, обычную для этих затерянных богом мест, – несмотря на полдень, на берегу царил полусумрак.

Но место было обжитым и доходным, о чем свидетельствовал сложенный из толстых бревен «государев амбар», служивший для сбора «мягкой рухляди» – шкур морских бобров и прочих животных. Этот бесценный мех служил главным средством для жизни многих поколений алеутов, а сейчас местных русских, для которых именно они да юконское золото обеспечивали жизнь немногочисленных поселений на Аляске.

На большом острове острога не имелось, да и не нужен он был здесь, в двух днях плавания от Кадьяка, на котором находился один-единственный городок – Петровская Гавань. Там проживала без малого тысяча душ русских и казаков. Имелся порт, в котором легко затерялись пара небольших военных шлюпов и два десятка кургузов, но вместительных кочей, что обеспечивали перевозками вытянутую на две тысячи верст Алеутскую гряду, заходили в устье Юкона и смело добирались до Камчатки.

На самих Алеутских островах жили только туземцы; все русское представительство на них обеспечивалось дюжиной «ясачных зимовий», одно из которых и было на острове Шумагина, самом близком к резиденции губернатора на Кадьяке.

Следующие поселения имелись на Уналашке, одном из самых больших островов гряды, ну а последнее – на Командорских островах, что открыл еще при царице Анне Иоанновне командор Витус Беринг.

Впрочем, туземцы там не проживали, и тамошние «зимовейцы» занимались немислимым ранее, но теперь вошедшим в обиход делом – защищали от «промышленников», что в алчности своей не знали пределов, морских коров, коих чуть целиком не истребили до последней, но вовремя спохватились и наложили строжайшие запреты.

Причем озаботились этим делом, к великому изумлению местных землепроходцев, в самом Петербурге, откуда пришло грозное повеление монарха морских животных не истреблять, и даже вводились «заповедные года», в которые убой зверя был запрещен под страхом лишения живота.

Потому и выставили везде «ясачные зимовья» – и дань с туземцев собирать, и порядок блюсти – полдюжины казаков на каждом из них быстро навели должный страх на алчных добытчиков.

И шутка ли – сам губернатор Аляски, статский советник Григорий Иванович Шелихов, везде поставил своих надсмотрщиков, и теперь забой тюленей и бобров производился только по его прямому разрешению, которое он практически не давал, за исключением местных аборигенов, что имели на этом пропитание.

И так приструнили нарушителей царского запрета, крепко и безжалостно, как закоренелых татей и лихоимцев, что теперь о браконьерстве на островах давненько не слышали.

Да и туземцы, особенно на Уналашке, где по первости даже стычки с казаками и матросами имелись, присмирели и под руку государеву всем народцем с охотой, без невольного принуждения, пошли.

Браки совместные взаимную неприязнь быстро заглушили – русские и казаки, мужчины молодые, холостые и крепкие, девок местных охотно в жены брали. А там и детки пошли, а уже и внуки – о былых распрях забыли, с родичами воевать как-то не с руки...

Черное море

Военные пароходы в России активно мастерили уже пять лет, но до того два десятилетия кропотливо отработывали различные конструкции паровых машин и самих кораблей. Быстро настроили несколько сотен речных судов: от небольших буксиров до пассажирских «лоханок» довольно приличного размера.

И, лишь набив руку да сумев склепать паровик на три сотни «лошадиных сил», приступили к военному флоту – вначале пошли со стапелей малые пароходы, позже заложили большие по водоизмещению.

Однако «вместилища копоты и пара» не могли вытеснить из боевой линии парусные линкоры, многие из которых несли на трех палубах до сотни пушек. Гребные колеса занимали всю середину корабля, оставляя для пушек лишь нос и корму. С превеликим трудом строители втискивали на пароходы пушки – по полдюжины на корветы, по дюжине на фрегаты. Пусть крупного калибра, но недопустимо мало.

А потому на русском флоте их «пароходо-фрегатами» не именовали, как в реальной истории при императоре Николае Павловиче. И были правы – любую баржу можно линкором объявить, но оттого она им не станет. Так что колесные пароходы хотя и заняли свое место на флоте твердо, но только как вспомогательные корабли, или даже суда – как их моряки с некоторой презрительностью именовали.

Петр стремился сломать сложившееся предубеждение и очень надеялся преуспеть в этом деле. Ставка сейчас была сделана на новейшие паровые суда – три корвета и пару «кабанов», что шли сейчас отдельным отрядом под командованием молодого Грейга, сына знаменитого адмирала.

И опять, о гримаса изменившейся судьбы, история в который раз на его глазах поменяла свой извилистый путь.

Старший Грейг, как Петр знал, должен был умереть еще десять лет назад, едва достигнув пятидесяти двух лет, добившись очередной яркой победы, но уже над шведским флотом.

Вот только войны с северным соседом сейчас не произошло, наоборот, отношения между государствами потеплели настолько, что император с легким сердцем отдал свою младшую дочь замуж за шведского кронпринца, герцога Карла Зюдерманландского. Правда, предпринял некие шаги, оставшиеся в глубокой тайне, чтоб зять пораньше на себя водрузил королевскую корону – слишком непредсказуем был его старший брат на троне. Да и от зятя сейчас одна головная боль...

А старый адмирал вместо туманной Балтики уже как двадцать с лишним лет заворачивает всеми делами в Архипелаге – там у России и острова есть, и Морея под ее покровительством находится.

– Ты что-то сказал мне, Федор Федорович? – Голос Ушакова пробился через заслон размышлений, и Петр вернулся в действительность. Нехорошо получилось – заслуженный флотоводец ему что-то важное говорит, а он его почти не слушает.

– Я думаю, не совершили мы ошибку, государь, приняв решение, что все наши линейные корабли должны быть оборудованы паровыми машинами и винтами? – с задумчивым видом спросил адмирал Ушаков и тут же торопливо добавил: – Нет, польза в паровых движителях несомненна, особенно в штиль. Я о другом – ведь на флоте наступят новые времена.

– Что делать, Федор Федорович, – Петр усмехнулся, – и на море пришел век пара. Хватит по рекам копить и ступицами хлопать по воде. Пора, давно пора. И как видите, не зря. Мы вынуждены лавировать, ловить ветер, а они как шли, так и идут, и нас намного опережают.

Он с усмешкой показал на идущий далеко впереди отряд Грейга, за которым тянулся длинный черный шлейф дыма. Эти корабли первыми получили в этом мире винт, который, как

он знал, в т о й истории появился на сорок лет позже. И главными для него являлись корветы, как это ни парадоксально, а не кургузые, укрытые железной броней мониторы.

Век пара уже наступил – промышленная революция охватила Англию и Россию, причем последняя была отнюдь не отсталой. В т о й истории Россия в начале царствования Екатерины Великой выплавляла втрое больше чугуна, чем Англия. А в конце века удвоила выплавку, доведя ее до шести миллионов пудов. И продолжала опережать гордых бриттов, несмотря на их успехи, хотя и ненамного. Сейчас экономическое превосходство не только не утеряно, наоборот, постоянно наращивается, и темпы роста российской промышленности продолжают оставаться высокими.

Да и в военном отношении преимущество пока сохраняется серьезное – все европейские страны уже перешли на нарезные дульнозарядные штуцеры с саморасширяющимися пулями. Погнались за Россией, вот только это оружие – вчерашний день: русская армия уже полностью перевооружена на казозарядные нарезные ружья.

Дальность стрельбы штуцера и винтовки почти одинакова, вот только скорострельность разная. Со штуцера выстрелили разок и минуту заряжают, если обычной пулей, лихорадочно орудуя шомполом. За это время русский стрелок прицельно тратил все четыре патрона с магазина и успевал заново его снарядить и столь же прицельно опустошить.

Но то на суше, а вот на море впервые в истории появилась уникальная возможность утереть нос британцам на их любимом поприще. Именно винтовые линкоры англичан и французов захватили господство на Черном море в Крымскую войну – русский парусный флот, во главе которого стояли превосходные адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомин, не смог противостоять паровым гигантам и погиб в Севастопольской гавани.

И дело не в косности императора Николая Павловича и его окружения, просто Россия, лишившись экономического преимущества прошлого, запоздала со строительством парового флота, а союзники с выгодой для себя использовали выигрыш времени.

– Видишь ли, Федор Федорович. – Петр с немногими военными был на «ты», как бы подчеркивая этим обращением свое к ним доверие. И этим отношением царя с его «тыканием» очень дорожили. – Англичане пока не сообразили, какую выгоду несут паровые машины. А потому за эти три-четыре года мы должны построить как можно больше новых линейных кораблей. Потом для нас все будет намного труднее – на их острове верфи начнут бесперебойное строительство новых кораблей, мы неизбежно утратим свое преимущество. Но пока оно у нас есть, и мы должны использовать его с максимальной для России выгодой!

Адрианополь

Константин завистливо покосился на грудь генерала Багратиона – там на темной ткани мундира тускло светился запыленный беленький заветный крестик – и тяжело вздохнул, с трудом сдерживая вспыхнувшую, как сухая солома, зависть. На шею генерала он даже не стал смотреть, чтоб не расстраиваться лишний раз.

Орден Святого Георгия третьего класса вообще редкостная награда, великий князь был бы рад даже четвертой степени, что на колодке. И снова вздохнул – даже сей крест можно только за подвиг воинский получить, а как его совершить прикажете?!

– Ваше превосходительство!

К Багратиону подскочил молодой подпоручик в запыленном гусарском мундире – лет семнадцать, глаза шалые.

– Татары идут, там, за холмами. Сотен десять, не меньше! И янычары с ними, орта, а то и больше!

– Откуда они взялись?! – в возгласе Багратиона страха не было, а одно безмерное ликование. Князь повернулся к царевичу.

– Повезло нам, ваше высочество, сегодня довершим дело, вашим отцом давно начатое.

Константин только кивнул в ответ – еще бы ему не знать, как в позапрошлую войну, 27 лет тому назад, его самодержавный отец наголову истребил турок и крымских татар при Ларге, Кагуле и Пруте. А потом одним рывком захватил Крым, это гнездилище разбойников, что столетиями пили кровь со славян – русских, малороссов, поляков и казаков. Тогда им было отмщение за все те длинные вереницы несчастных рабов, что ликующие татары столетиями уводили за Перекоп.

И вот султан собрал ошметки той орды, что избежала заслуженного ими избиения, ибо добрая треть татар присягнула России, и клятву эту исполняла с достоинством и прилежанием...

– Скачите, ваше высочество, к фельдмаршалу. Мы их истребим и закроем туркам дорогу к Царьграду. Пусть армия смело поспешает вперед – Фархад-паша на помощь султану не придет.

– Так точно, ваше превосходительство!

Отец всего один раз такую ему выдал нахлобучку за нарушение субординации, что этот урок Константин на всю жизнь запомнил. А потому, хоть он и «его высочество», но в данный момент «их превосходительное сиятельство» (тут молодой великий князь улыбнулся над своею незамысловатой шуткой) его непосредственный командир, приказы которого следует соблюдать от сих до сих. Иметь второй тяжелый разговор с императором молодой царевич не желал категорически.

И снова горестно вздохнул – в бой его явно не пускали ни старый фельдмаршал, ни этот молодой генерал. Обидно до слез! Но делать нечего – против воли самодержавного отца не пойдешь!

Петербург

Посол тяжело вздохнул, перекрестился, беззвучно шевеля губами, будто читал молитву, а сам продолжал думать о своем, крестясь перед иконами и отвешивая поклоны. Ничего не поделаешь – политика, как и искусство, требует жертв.

Три года тому назад весь русский двор, узнав о казни этой набитой дуры Марии Антуанетты (посол чуть не скривился, вспомнив высокомерную австриячку, жену короля Людовика и сестру австрийского императора), оделся в траур, который, мыслимое ли дело для культурной Европы, соблюдался чуть ли не полгода.

А эти бесконечные молебны, изнуряющие тело посты, что ханжеские супруги налагали на себя, а заодно на весь Петербург. Даже английские пуритане, известные своим аскетизмом, прах их раздери, до такой изуверской строгости не додумались.

Никто из богатых русских вельмож в эти долгие дни ничего не праздновал и сам в гости не хаживал. И в иностранные посольства на торжественные обеды князя не ходили, откровенные беседы о российской политике перестали вести.

Хотя и не было прямого на то царского запрета, но все прекрасно знали, что найдется кому донести куда следует, а там последует вечное отлучение от двора. Прецеденты уже были, а эти русские варвары готовы на коленях лизать монаршую длань.

Рабы!

Посол мысленно улыбнулся, но продолжал креститься и читать молитву. У русских словечко есть одно – холопы. Очень даже хорошо ко всем ним подходит. Варварская нация, хоть и одевается по лучшей европейской моде, лопочут на разных языках, а все одно – варвары. И хуже того – любой нормальный европеец, пообщавшись с русскими долгое время, сам таким же и становится.

Примеров тому масса, ходить далеко за ними не нужно. Вот один перед ним на коленях стоит перед иконами, чуть ли чугунным лбом не стучит о воощеный пол...

– Кхе!

Посол непроизвольно кашлянул, несколько смущенный – все же он мужчина, и не стоит так думать о женщине, тем более коронованной особе. Но не хотел бы он стать в старости таким же приторно набожным до омерзения для всякого просвещенного джентльмена, как русский император и его почтенная супруга.

Действительно, прав тот образованный русский граф, что совсем к месту пошутил над монаршей четой в английском посольстве – заставь дураков богу молиться, они и лоб расшибут.

Вот только плохо кончил этот смелый и порядочный русский дворянин, настоящий европеец без всяких комплексов, засланный по казенной надобности в безлюдную Сибирь, где в лютые морозы даже волки свои лапы с хвостами теряют.

Дикари они! Разве так можно поступать с людьми, что всей душою к ценностям английского просвещения тянутся? Даже их императрица, урожденная германская принцесса...

Посол чуть не закашлялся, стушевался и даже помотал головою, как усталая крестьянская лошадка, отгоняющая приставучий гнус. Но то продолжалось всего лишь одну секунду, и маска ледяной невозмутимости снова напозла на лицо.

Ну что за разные мысли посторонние идут в голову?! Нет, нет и еще раз нет. Гнать подальше и сосредоточиться только на деле, которое не терпит отлагательств.

Сегодня и сейчас он заставит ее величество дать британской короне четкий и недвусмысленный ответ. И прах раздери их византийскую изворотливость с коварством!

Остров Шумагина

Шумагинское зимовье было солидным – кроме «государевого амбара», где сейчас хранилось почти восемь тысяч выделанных шкур, имелась большая «приказная изба» да крепкий двор.

Рядом расположилось приземистое строение из крепких бревен, с проделанными в них бойницами и печной трубой, что поднималась из крыши, – «караульня». Над ней возвышалась сложенная из бревнышек невысокая дозорная башня. Частокола из заостренных бревен не имелось – не острог, чай, лихих людишек днем с огнем не отыщешь, а туземцы власть уважают и бунт вряд ли поднимать станут.

Посему население зимовья было совсем небольшим – приказчик Семен Прокофьев с женой Анной, крещеной камчадалкой, и старшим сыном, что помогал ему в разных делах. Младший сынок на Кадьяке в приказной школе учился, что губернатор недавно открыл – нужда в грамотных людях на Алеутах, как и на Аляске, была огромная, а на далекую Россию в этом деле полагаться не приходилось.

На самом деле – зачем подросших детишек куда-то за тридевять земель отправлять, их на месте учить надобно. А для того во всех трех острогах на Аляске школы открыли, а в самом Ново-Архангельске даже гимназию с кадетским корпусом.

Сейчас приказчика с семьей да двух алеутов с бабами и детишками в зимовье не было – Прокофьев на Кадьяк уплыл на коче по делам с пятью казаками, что семьи свои проведать решили.

Алеуты в родное стойбище ушли, на другой конец острова. Помощь была нужна – всем родом рубленые дома ставили, у русских жилище заимствуя – и теплое, и чистое. А потому в зимовье остались только трое молодых казаков с пожилым, выдавшим всякие дела урядником.

Один из казачков стоял на вышке, внимательно наблюдая за беспокойным морем, хотя разглядеть что-либо за туманной дымкой было затруднительно. Но служба есть служба, и нести ее надо без послаблений – это казаки впитывали в себя с молоком матери да в постоянных стычках с супротивником – пролитая в них кровь и была самым лучшим учителем.

Трое других вольготно расположились у еще не потухшего костра – красные от жара угли хорошо играли, раздуваемые ветром. Они вели неспешную беседу о ратных делах, с деланым безразличием ожидая, пока в углях дойдет самое любимое русскими переселенцами блюдо, в одночасье завоевавшее полную симпатию.

– Хорошо мы тогда тлинкитов потрепали, почитай, всех изничтожили. А так, вояки они добрые, смертным боем бьются. Плен за бесчестие полагают, как и мы.

Старый казак с суровым лицом, покрытым шрамами и морщинами, пошевелил заостренной палочкой черную золу костра, горячую, с дымком. И ловко вытянул оттуда черный от золы комочек. Посмотрел на него и тут же вынес свой вердикт:

– Готова картошка! Налегай, станичники.

Два молодых казака, что до того раскрыв рты слушали бывалого урядника, тут же разворошили угли и золу, выкатив два десятка горячих комков. Прижился заморский земляной плод на суровой земле наравне с русской репой и морковью. И не только привыкли к нему, нет, уже почитали, особенно те, кто скорбутом, цингой по-другому, переболели. И хвою пили, и кору, и траву – ничего не помогало страдальцам.

Зато картофель, что всю зиму в теплых ящиках лежал, даже совсем маленький клубень, чудо великое творил, если сырым ели. А потому за последние годы только его и выращивали на маленьких огородиках – суров здешний климат, почти ничего не произрастает.

Хотя в Юконском и Ново-Мангазейском острогах, что в глубине залива стоят, к северу от Петровской гавани, на самом берегу между гор, стараниями губернатора несколько очень

больших теплиц поставили. Стекло в острогах уже вовсю варили, свое – не из России же везти. А потому вышли они на заглядение, добротные, с печами внутри для обогрева. Да еще медные трубы от печей под насыпными грядками пустили – урожай за короткое лето вызревал добрый. Особенно радовала сердца капуста – ее квасили в больших кадушках с морковью, добавляя укроп и кислые антоновские яблоки, что привозили из Ново-Архангельска.

Казалось, навсегда ушли те дни, когда от голода зимой брюхо подводило, как у тощих изголодавшихся волков...

Черное море

Петр с улыбкой посмотрел на «кабанов», что величаво дымили трубами в отдалении. Вечерело.

Русский флот пусть медленно, но шел к заветному Босфору. Там только пройти узкий и короткий, всего тридцатикилометровый пролив, и он сам воочию увидит легендарный Константинополь.

Царьград!

Город, что веками манил русских к себе – еще вещий князь Олег прибил на его ворота свой щит. От этих стен пришло крещение на Русь, сюда шел знаменитый путь «из варяг в греки». Но все связи были безжалостно отрублены три с половиной века тому назад, когда османы штурмом взяли Константинополь, а последний византийский император погиб на зали- той кровью улице.

С той поры Босфор унес немало воды, но и бед принесло на Русь никак не меньше. Османы перекрыли путь не только в Европу; они схватили русских за горло. Не сами, конечно, а опосредованно – крымские татары чуть ли не ежегодно устраивали набеги, и тысячи русских невольников продавались в рабство здесь, под высокими минаретами Ак Софии, великой православной святыни, собора Святой Софии – Божественной Премудрости.

– Ну что за напасть такая на православных?! – не удержав возмущения, пробормотал Петр.

Еще бы – поляки, создавая Речь Посполитую, переделывали церкви в костелы или разрушали их. И это католики, христиане называются, что других, принявших учение Христа из Константинополя, до сих пор еретиками, схизматиками именуют.

Да тыфу на них!

Османы поступают так же, как и католики, даром что учение Магомета разделяют. Церкви больше разрушают и реже перестраивают, как Святую Софию в частности. Установили по углам четыре высоченных минарета, и вместо православных заутреней там сейчас намазы. И муэдзины к ним с высоты призывают всех правоверных.

– Вот такие пироги с котятами!

Петр усмехнулся – сами православные ни мечети, ни костелы в соборы не перестраивали. Зачем на чужую веру и храмы посягать? Даже в Крыму, куда ворвалась четверть века назад русская армия, распаленная яростным и кровопролитным штурмом, ни одну мечеть не тронули, даже казаки, что валили свирепой волной, сметая все на своем пути.

Он сам хорошо понимал простых русских солдат и донцов – те шли с мстью за то много- вековое горе, что принесли крымчаки. Тогда Петр с немалым трудом остановил резню, пони- мая, что в противном случае ни о каких переговорах с турками и речи быть не может.

Но с тех дней степным разбойникам был дан жестокий урок, и сейчас обитатели Крыма являлись вполне лояльными подданными, ничем не хуже тех же казанских татар. Но, на вся- кий случай, Петр повелел сформировать из крымских сорвиголов уланский полк и тем самым вытянул с полуострова самый беспокойный и боеспособный контингент.

И сразу же отправил его к Бугу, что сейчас являлся границей между Польшей и Россией. Да и занимались там татары привычным делом, приведя мятежных ляхов к повиновению и хорошенько пограбив тех, кто усмиряться не захотел, – куда ж без этого на войне.

– Ваше величество! Извольте ужинать!

Нарцисс стоял за спиной, терпеливо ожидая от него ответа. Верный арап не пожелал с ним расставаться и, хотя он уже разменял седьмой десяток, морскую качку переносил хорошо, прямо на диво. Будто на корабельной палубе родился и все прожитые годы на ней провел.

– Пойдем, мой преданный друг, – только и сказал Петр, резво спускаясь со шканцев по трапу. Ужинал он на флагманском корабле в своей каморке в гордом одиночестве, зато обедал в заполненном до отказа адмиральском салоне среди моряков и свитских.

В маленькой, очень тесной каюте, где еле помещалась койка, стол со стулом и шкаф, он проводил большую часть дня, работая над корреспонденцией, изредка поднимаясь на палубу для отдыха – подышать соленым воздухом полной грудью.

Помолившись, Петр уселся за стол и принялся ужинать, весьма скромно, без всяких петербургских разносолов, из «морского котла», который мало чем отличался от обычной полевой армейской кухни, с ее постоянным меню – «щи да каша – пища наша».

Адрианополь

– Ваше высочество! Янычары!

Константин Петрович услышал сдавленный выкрик казака и оглянулся. Из-за холмов словно мутная река прорвалась, неся на волне пестрый мусор. И гул шел страшный, такой, что волосы на голове дыбом встали. Молодой полковник лихорадочно заскользил глазами по сторонам – вперед рвануться, к побережью, где шли главные силы фельдмаршала Суворова, бесполезно, не успеть никак, перехватят. Да и далеко туда...

– Надо убираться отсюда, ваше высочество, – тихо произнес молодой хорунжий, что с десятком отборных конвойных казаков сопровождал Константина Петровича в этой поездке. И добавил тихо, но твердым голосом, смотря прямо в глаза: – Нужно наших предупредить, ваше высочество.

– Да-да, конечно. – Полковник рванул повод, заворачивая коня, и дал шенкеля. Тот рванул с места в галоп, так что копыта застучали – понимало умное животное, что хозяин в неприятность попал. Следом помчались казаки, прикрывая спину.

Десять минут бешеной скачки пролетели, как миг. Загнанный конь подскакал к невысокой гряде, на которой Константин Петрович разглядел пару легких пушек с упряжками. Вдалеке пылил по дороге еще один взвод – две упряжки с зарядными ящиками. На артиллеристах была грязная, еле различимая под темной коркой земляного цвета, зеленая форма – свои!

– Где командир батареи?

Константин еле прохрипел слова, выплевывая криком мучнистую в комочках пыль, забившую рот. Молодой гвардейский поручик, что по чину армейскому капитану равен, лет двадцати, не больше, с понимающей улыбкой посмотрел, но молча.

– Где командир батареи, господин поручик? – полковник повторил вопрос, но уже внятно. Он понял, что этот молоденький взводный мог просто не понять вопрос. Хрипение шло сплошное, а не слова.

– Я команду батареей, ваше императорское высочество, – со спокойным достоинством произнес офицер, тряхнув львиной гривой волос, и вытянулся по уставу. – Поручик Ермолов!

– Янычары в тыл вышли, поручик, сюда идут! Их надо задержать! Поднимитесь на гряде – увидите собственными глазами!

– Янычары?!

Офицер оторопело взглянул, не поняв сразу, откуда в глубоком тылу может появиться враг, но, осознав по взволнованному лицу царевича, что тому не до шуток, шустро поднялся на невысокий вытянутый холмик, по сути, длинный, заросший кустарником вал.

– Орудия на вал! – сверху послышался звучный голос Ермолова. – Сергеев! Скачи – пусть второй взвод сейчас же займет позиции левее, на том гребне. Оттуда ударит во фланг османам!

– Есть, господин поручик! – Молодой солдат с нашивками капрала живо вскочил на коня и бросился в погоню за уходившими на рысях орудийными запряжками. Поручик продолжал распоряжаться, спокойно и уверенно, будто всю жизнь ждал этого боя.

– Сержант Никитин! Прошу вас догнать гренадеров, там капитан, попросите его вернуться. Нам без пехотного прикрытия эту позицию не удержать! Османов орта, никак не меньше!

Константин Петрович почувствовал, как в его душе ворохнулось нечто, похожее на добрую зависть. Да-да, он позавидовал поручику, что так спокойно принимает бой, который станет для его батареи последним – шесть полковых пушек и сотня артиллеристов вряд ли выстоят против полутора тысяч озверелых янычар. Пусть даже и с гренадерами...

– Ваше императорское высочество! Может быть, нужно доложить генералу, князю Багратиону, о случившемся?

Нет, в голосе поручика Константин Петрович не уловил скрытой издевки, решив поначалу, что его вежливо выпроваживают с позиции. Ведь так с ним поступали все генералы, хотя он и сам был военным, с немалым чином полковника – а тут на тебе!

Царевича держать подальше от фронта, поближе к тылу – наверняка так отец распорядился. Но нет сейчас над ним монаршей воли, а есть долг русского офицера, который нужно выполнять честно, не жалея ни сил, ни живота своего.

– Согласно воинскому артикулу...

Константин Петрович задержал дыхание – ведь сейчас он скажет слова, идущие вразрез с распоряжением отца. Но ведь он сам давал воинскую присягу и обязан ее выполнять, не устроясь живот свой положить. А значит, выбора у него нет!

Петербург

– Ваше императорское величество, – британский посол низко склонился в самом почтительном поклоне, – правительство моего короля весьма озабочено начавшейся три недели назад с Османской Портой войной.

Англичанин тщательно подбирал слова, остерегаясь вызвать вспышку гнева русской императрицы. Но не в том дело! Если было бы необходимо, то он бы заговорил совсем другим языком, жестким – таким в один миг ставят этих восточных варваров на свое место, чтоб норов свой не выказывали, как они сами говорят: «Знает сверчок свой шесток».

Вот только указаний от правительства еще не поступало. Хотя посол был уверен, что сегодня-завтра в Лондоне уже примут решение, какую политику избрать в очередной русско-турецкой войне. Но он не сомневался в одном – правительство его величества постарается сделать все, чтобы русские увязли в этой войне, пролили как можно больше крови и растратили золота, но не получили бы ничего взамен.

Так случилось в прошлую войну, когда этим «медведям» хорошо надавали по лапам. Да, турки терпели поражение за поражением, русские заняли Валахию и Болгарию, и казалось, еще немного, и москвиты захватят вожаемый Константинополь.

Но не тут-то было! Стоило в Дарданеллы и Босфор войти английскому флоту, как их царек разом присмирел, испугавшись возможной войны. Жаль только, что английские пушки не смели этих варваров с поверхности моря и не превратили их гавани и верфи на Черном море в дымящиеся пепелища. Какая была бы красота!

Посол не сомневался, что одна только угроза войны со стороны британской короны заставила москвитов, со скрежетом зубным в бессильной ярости, заключить мир с турками, по которому они не получили ничего, за исключением клочка Валахии!

Да, Порта признала за Россией Крым, Таврию, Кубань да Молдавию – но ведь русские и так ими владели, оттяпав четверть века тому назад. И в Греции москвитам надавали по грязным лапам, жаль, что Морея так и осталась под их покровительством. Но ничего – раз война началась, нужно приложить все усилия, чтобы русские остались, как они сами говорят – «с носом», а еще лучше, чтоб отгрынули все те земли, которые раньше захапали...

– Мы не желали этой войны, – императрица, как простая русская баба, всплеснула руками. – Но вы сами знаете, что ровно год назад в Константинополе янычары свирепо казнили патриарха! Они прилюдно растерзали священников и осквернили церкви! И что сделал султан?! Он наказал виновных в этом злодействе?!

В голосе Екатерины Алексеевны прорвалась ярость, жгучая, еле сдерживаемая. Посол сочувственно покачал головой, весь его вид говорил об одном – вот такие нехорошие эти турки.

– Мы ждали ровно год! И что?! Муж поехал в Киев поклониться святыням и ждал там, что Диван принесет извинения. Долго ждал! А визирь даже не соизволил отправить посланца. Да что там посол – они нам даже письма в ответ не написали! Извинений до сих пор не принесли! А ведь в Ясском договоре черным по белому написано, сами турки давали клятву христиан более не угнетать и тем паче не избивать смертным боем!

Остров Шумагина

– Хороша картошка!

Урядник тщательно очистил запеченный клубень от прилипшей к нему золы и разломил крепкими пальцами пополам. Освобождать его от кожуры он не стал, так же, как и молодые казаки. И так сойдет, даже вкуснее будет, чего привередничать – горячее сырым не бывает, что казаку в брюхо попало, то и пропало.

На большой чурке живо накрыли общий для всех стол – чашка с солью, несколько головок чеснока, большая краюха ржаного хлеба. С зерном в последние годы проблем не имелось – и из Петербурга на кораблях каждый год везли, большей частью рожь, а в дальних испанских колониях пшеницу в основном закупали да кукурузу в початках. Последняя на замену хлебушку хорошо пошла, хотя и непривычная она для казаков – в холодной Сибири она не произрастала.

В дополнение к запеченному картофелю казаки решили истребить надоевшую им порядком соленую рыбу. Лосось был большим, свыше аршина, и толстым, как валенок.

Молодой смешливый казачок быстро накромсал рыбину на солидные куски острым кинжалом и взглянул на урядника – как, мол, пойдет?

Тот степенно кивнул и поднялся. Откашлявшись, принялся негромко читать молитву, как всегда делал православный люд перед каждой трапезой. За ним вторили два казачка, истово крестясь. Неспешно помолившись, все трое степенно уселись пообедать, удобнее расположившись за импровизированным столом на бревнах.

– Ты, Ванька, ешь быстрее, – старый урядник пристально посмотрел на смешливого казака. Лицо неожиданно искривилось от судороги, борода встопорщилась. – И на башне Федьку поскорее смени, пусть тоже поест успеет, а то мало ли что будет.

– Сделаю, Тимофей Иннокентьевич!

– Ты зубы мне не скаль, паря. И ружья нам приготовить надобно, и патроны...

– Зачем?!

Вопрос вырвался одновременно – молодые казаки с удивлением посмотрели на старшего.

– А то, что маета у меня на душе. Вещует сердечко... Чую, кровушку скоро на сыру землю лить придется...

Черное море

Ужинал Петр неспешно, зато мысли в голове ворочались намного быстрее. Сейчас, находясь в одиночестве, он еле сдерживал полное удовлетворение ходом начавшейся кампании. Россия в т о й истории, а это Петр прекрасно знал, войну вела с турками привычным ходом.

После объявления войны вначале следовала переброска и сосредоточение войск, чрезвычайно медлительное, потом вторжение в Валахию, выход к Дунаю, а там как бог положит.

Добирались и до Мраморного моря в 1830 и 1878 годах. Или, наоборот, еле уносили с голубого Дуная ноги, очищая захваченные территории, как в 1854 году в злосчастную Крымскую кампанию. А иной раз просто топтались на месте, мордуя турок, пытаясь выторговать лучший мир, как проделал Михаил Кутузов в 1811 году.

Петр решительно сломал сложившийся стереотип, когда в 1769 и 1783 годах турецкий Диван первым объявлял России войну. И не простую, а джихад, на который призывали всех мусульман воевать с северными гяурами до полной и окончательной победы.

Впрочем, это мало помогло османам – русские извозили их качественно. Однако во вторую войну все наперекос пошло – британцы, мать их за ногу и до седьмого колена, вмешались, и все надежды прахом пошли. Как было больно и горестно от плодов победы отказываться!

А потому так получилось, что один на один с турками схлестнулись в самый неудобный момент – знали османы, когда войну начать, и реванш попытались взять. Юшку им, конечно, пустили хорошо, вот только пруссаки с австрияками войска к русским границам подвели, да английский флот в Черное море ворвался.

– Шлюхины дети! – Петр выругался, припомнив давнее чувство бессильного унижения и затаенной ярости. Оплеуху он получил знатную, как на Берлинском конгрессе в реальной истории...

Сейчас все пошло совсем по-другому, потому что нужно было как можно скорее кончать с неопределенностью и нетерпимым положением. Когда по одной лишь милости султана зависело, дать или не дать русским кораблям проход через Проливы.

Ситуация сложилась крайне благоприятная – Австрия и Пруссия увязли в войне с французами, да еще с дележом Польши. И теперь просто не могли вмешаться, побряцать на границах оружием, и тем самым связать России руки этой угрозой. Тем паче Венский кабинет насмерть вцепился в Италию и выпускать ее из своих лап очень не хотел.

Британская империя занималась своим любимым и очень увлекательным делом – она прибирала к своим рукам многочисленные французские колонии, давала займы пруссакам и австрийцам и готовилась воевать с Парижем до последнего немецкого солдата.

Давили «просвещенные мореплаватели» и на Петербург, взывая к монаршему единению. Петр был обеими руками «за», вот только русских солдат в Италию не отправил. Ни одного – он не желал повторять ошибки императора Павла в т о й истории.

Любимая жена вот уже два года устраивала по всякому поводу громкие истерики, поминная казненную якобинцами Марию Антуанетту. И для вящей убедительности императорская чета нарочито демонстрировала набожность. А позже дружно хохотала, читая в тишине супружеской спальни перлюстрированные в «Черном кабинете», где работали русские специалисты экстра-класса из 3-го отделения Собственной Его величества канцелярии, послания и тайные депеши иностранных дипломатов.

Нет, не начнут англичане против России войну сейчас, пока увязли во французских делах – те для них намного опаснее. Однако напакостить в очередной раз смогут, а потому император решил провести неизвестную пока молниеносную войну, «блицкриг», опередив историю на полтора века. И начал к ней готовиться заблаговременно, еще с прошлого лета...

Адрианополь

– Я принимаю командование! – звонко произнес царевич, и все офицеры и солдаты как-то заметно подтянулись. – Один взвод оттяните чуть правее, поручик, тогда можно будет картечью сшибить турок, что на насыпь ползут! Вы, сержант, выполняйте данный вам приказ. Командиру гренадеров сошлитесь на мое распоряжение. Выполнять!

– Есть, ваше высочество! – Молоденького сержанта, лет семнадцати, вчерашнего кадета, словно ветром сдуло.

– Есть, господин полковник, – в глазах поручика промелькнуло нечто, похожее на уважение – предложение царевича было разумным, и он его сразу оценил.

Именно так Ермолов хотел сам сделать, но решил посмотреть, что предпримет второй сын императора. И тот оправдал надежду – не помчался к генералу Багратиону, в тыл, а остался с артиллеристами на позиции. Ибо в уставе прямо говорится, что офицер Генерального штаба в подобных ситуациях обязан принимать командование на себя со всеми вытекающими отсюда для него последствиями.

– Как вас величать прикажете, поручик?

Константин Петрович испытывал нешуточное облегчение – обращением к нему строго по чину поручик Ермолов признал его безусловное право отдавать команды.

Ведь по титулу к непосредственному командиру на поле боя не обращаются – нет там «сиятельств», «светлостей» и даже «высочеств». Исключение оставлено только для одного императора – к тому всегда и при любых обстоятельствах обращаются «ваше величество».

– Алексей Петрович.

– Значит, мы с вами тезки. – Константин на добрую секунду задумался, лихорадочно перебирая в мозгу множественные хитросплетения дворянских связей и родословных. – Подполковник лейб-гвардии Семеновского полка Николай Николаевич Раевский вам ведь родственником приходится?

– Это так – двоюродным братом, ваше высочество. У вас поразительная память...

– Отцовское наследие, – усмехнулся Константин Петрович и повернулся к хорунжему конвоя: – Немедленно скачите к генералу Багратиону! Предупредите, что в тыл могут выйти янычары, если мы здесь позицию не удержим. Всех солдат и офицеров, кого встретите в дороге, даже обозников, направляйте сюда немедленно. Через полчаса тут такое начнется... Возьмите трех казаков, остальных оставьте со мною.

– Есть, ваше императорское высочество! Только... разрешите, – хорунжий в форме императорского Донского лейб-конвоя был несколько смущен, и Константин Петрович сам решил расставить акценты.

– Что у вас, хорунжий?

– Я останусь при вас, ваше императорское высочество. Не гоните, у меня приказ. Отправлю казаков с урядником – их сиятельство в лицо станичников помнит.

– Хорошо!

Константин Петрович чуть кивнул в ответ, прекрасно поняв казачьего офицера. Он не сомневался, что случись ему самому выкинуть что-то непотребное, и хорунжий имеет на этот счет секретное предписание – связать и увести великого князя! И ответ казак будет держать только перед императором, ни перед кем более.

Но сейчас, посмотрев на моментально посмурневшее и ожесточившееся лицо хорунжего, Константин Петрович понял, что он сделал правильный шаг в сложившейся ситуации и то, что казаки конвоя умрут здесь вместе с ним, ибо жизнь для них будет горше смерти.

И сделал в памяти зарубку на будущее – хорошо отцу, что в свое время сделал правильный выбор и нашел множество верных людей, среди которых и эти преданные, как псы, конвойцы...

Петербург

– Милый друг, я хочу, чтобы вы знали и сообщили своему королю. Мой муж немедленно заключит мир с Османской Портой, как только турки дадут нам сатисфакцию. Мы не настроены вести с ними затяжную войну, как бывало прежде между нашими странами.

Императрица тяжело вздохнула и медленно опустилась в кресло. Посол с любопытством посмотрел на ее осунувшееся и почерневшее лицо, но продолжал соблюдать традиционное британское хладнокровие и полную невозмутимость, ничем – ни жестом, ни взглядом – не выражая своего интереса. Хотя... Внутри презрительно он засмеялся.

Старая стерва явно боялась – ей хватило легкого намека на британское вмешательство. И мужу отпишет сегодня, так ее пробрало. Еще бы – мало приятного увидеть флаг святого Георгия с их жалких крепостей на Черном море. Неужели эта царская парочка считала, что она может делать все, что хочет, презрев британские интересы?!

– Война нам не нужна, – глухо вымолвила императрица, – и мы будем признательны, если правительство вашего короля выступит посредником при заключении мира между нами и османами.

Посол мысленно усмехнулся – эта бабища смотрела на него взглядом побитой собаки. Чуть ли хвостом не завияла!

Мысль промелькнула и тут же исчезла, и пришло понимание – эти «медведи» боятся его страны, а потому им можно и нужно, не откладывая в долгий ящик, выкрутить руки.

Они должны выполнять только те дела, что несут пользу британской короне, и никак иначе. Пусть знают свое место в мировой политике и играют там вечно вторым номером, сообщая каждый свой шаг с Лондоном.

– Ваше императорское величество, – посол склонился в самом почтительном поклоне, – якобинская зараза грозит вылиться за пределы Франции. Дело всех монархов Европы – раздать революцию, пока она не перекинулась на другие страны и не привела к всеобщему возмущению черни. Нужно не дать им потрясти устои, нарушить спокойствие и порядок. Но без вмешательства ваших победоносных полков остановить якобинцев невозможно. А малейшее промедление может обернуться для наших стран неисчислимыми бедствиями. Мой король обращается к вашим императорским величествам с просьбой о немедленной помощи прусским и австрийским войскам, что ведут благородную борьбу с французскими полчищами.

– Да, да, конечно, мой милый друг, – старческий взгляд задрожал. Императрица негромко хлопнула носом и достала платочек.

Посол терпеливо ожидал, когда она заговорит. Вот тогда станет полностью ясно! Выбора нет – или русские пожелают прислушаться к его словам, или они продолжают посягать на союзников Британии.

И тогда – горе им!

– Мой хранимый Богом супруг желает только одного – мира с османами. Но требует, чтобы православные храмы перестали громить! И передали нам святыни, дабы только молитвы звучали под их сводами. Константинопольский патриархат должен быть под нашим покровительством! Более ничего от османов мы требовать не будем!

Ханжи!

Посол мысленно сплюнул – царская чета явно ударилась в богоискательство. Презрев политические интересы, они желают получить церквушки. Невелика потеря – такое можно обещать смело, тем более учитывая религиозную нетерпимость турок, сие выглядит насмешкой. Права православных они никогда не признают!

– Наше правительство всегда защищало интересы христиан, а потому смело можете положиться. Я уверен, что покровительство над нашими единоверцами должны взять на себя все

монархи Европы – тогда османы будут вынуждены прислушаться к нашим законным требованиям. Искренне надеюсь, что ваше императорское величество полностью разделяет это праведное мнение английского Кабинета?

– Я согласна с вами...

Остров Шумагина

– А ведь, паря, сердце-то не зря томилось, – старый казак Тимофей Иннокентьевич Пермяков сплюнул и отер губы рукавом чекменя. И взглянул на море, словно был не в силах поверить в увиденное.

Из туманной дымки медленно выплывал большой корабль с раскрытыми портами, из которых хищно выглядывали с десятков оружейных стволов, пусть и небольших, «тонщих», как говаривали казаки, но на берегу и одной-единственной пушки не имелось.

– Не наши ли? – задумчиво протянул Федька Бобков, с напряжением взирая на море, но тут же усомнился.

– Нет, на коч не похоже, те кругляшком, да меньше. А это вон как вымахал, поперек себя шире.

– И не шлюпа воинская, – Ваньша Усольцев тоже вставил от себя суждение, – я их в Петровской видывал...

– Цыц у меня, балаболки, – рявкнул на молодежь старый казак, – судите, а флаг на корабле видите ли?

– Так нет его тама, – чуть ли не хором отозвались казаки.

– То-то и оно, что нету. – Пермяков сплюнул еще раз на камни. – Наши с крестом Андреевским ходят и флаг сей никогда не спускают. Даже когда под волнами гибнут. А торговцы и промышленники пушек не имеют, а этот вон как стволами ошетинился!

– Так кто сюда приплыл-то, Тимофей Иннокентьевич?

– Мыслю я, казаки, что тати это морские, разбоем живущие. Их вроде как пиратами называют, нехристей поганых! Были такие здесь лет десять назад, но их всех граф Алексей Григорьевич смертно побил, никого на развод не оставил, чтоб дорожку в наши земли не ведали. Долгонько ж новые тати собирались, и вот накося – приплыли!

– Что делать-то будем, дядя Тиша?

– Я те, Сенька, щас не дядька родной, а господин урядник! – отрезал старый казак, с невольной улыбкой посмотрев на смешливого парня – семнадцать лет всего, первый год на службе. Тот стушевался, подтянулся.

– Виноват, господин урядник!

– То-то и оно, что виноват, – пробурчал казак, внимательно глядя сквозь прищуренные степные глаза на подплывавший к берегу корабль. Не нравился ему этот незванный гость: уж больно уверенно шел, будто все местные камни и скалы ведал. А потому не ждал казак ничего хорошего от такого визита, не ко времени он был. – Готовьте ружья, станичники. Барабаны еще раз проверьте, чтоб крутились хорошо. Токмо на них уповаю, что не дадим супостату незваному на берег наш высадиться.

– Так на сто рядов их осмотрели...

– Еще раз гляньте, в бою недосуг нам будет! – в полный голос рявкнул урядник. – Неслухи! Патронташи проверьте, ладно ли патроны из гнезд выходят, чтоб ловчее доставать было!

– Так на дню по десять раз смотрим...

– Теперича по двадцать раз в день гонять вас буду, дай бог врага отобьем! Все, казаки, времени у нас нетути! Бегом в крепостицу, там мы их и встретим, если оружными в лодки сядут. Не посраим казачьей чести!

Черное море

– Ну, любители пудинга и овсяной каши, вы у меня дождетесь, – с угрозой пробормотал Петр, меряя шагами палубу. И тут вспомнил однажды услышанную лекцию профессора в институте, посвященную внешней политике, с одной очень характерной фразой: «У Англии нет вечных врагов или друзей, у нее есть только вечные интересы».

Два года они с женой кропотливо готовили эту войну. Именно готовили – в две прошлые кампании Россия вваливалась по принуждению, инициаторами выступали турки, все еще пребывающие в сладком наркотическом сне от воспоминаний, когда янычары потрясали Европу, а османские пушки гремели под Веной. Давно прошли те времена, но, к великой радости соседей, Османская Порта так и не сбросила с себя дурман.

Тем лучше!

Момент для нападения выпал удачный – мятежная Польша не согласилась с двумя делами, и, посадив короля Станислава под домашний арест, шляхта устроила всеобщее возмущение. Да такое, что «любезные друзья» из Вены и Берлина в ужас пришли.

Пруссак и австрийцы вот уже полгода бесплодно сражались в междуречье Вислы и Одры – война шла с переменным успехом. Поляки, поняв, что очутились в заднице из-за своих постоянных склок и рокошей, опаматовались. Живо выбрали «начальником государства», то есть диктатором, Тадеуша Костюшко и такое устроили своим соседям немцам...

Зато Петр вздохнул с нескрываемым облегчением – австрийскому цезарю Францу и прусскому кенигу Фридриху-Вильгельму сейчас не до России, и вмешаться в войну с турками они не смогут при всем своем желании. Не до того германцам – в Италии французские генералы Моро и Массена устроили австрийцам капитальную трепку.

Пруссакам хорошо досталось на Рейне от войск Пишегрю и Келлермана, еле ноги унесли. А Польша поглотила последние резервы – воевать на два фронта всегда хлопотно и затратно, у немцев принято на грабли наступать, что в т о й истории, что в этой.

Единственной надеждой венценосных «братьев» оставалась Россия, вот только Петр не желал своими руками таскать для них из костра каштаны. И британцы туда же лезут – предложили выплатить чуть ли не двести тысяч золотых гиней, если будут отправлены на запад русские войска.

– А хрена с редькой не желаете вкусить?! Тертого? Да полной ложкой, и зад еще горчицей намазать!

Петр усмехнулся, представив на секунду, как сейчас любимая Като ведет переговоры с «милыми союзниками», что хуже любого открытого врага.

И скривил губы в жестоком оскале – через пару недель в Лондоне, Берлине и Вене будет стоять дым коромыслом, когда туда дойдет весть, что русские взяли Константинополь и встали твердою ногою в Проливах.

Война получилась молниеносной, такой, как он ее и планировал. В полдень второго июня русский посол передал визирю официальное объявление войны. То же самое было сделано в Петербурге, с немедленным оповещением всего дипломатического корпуса.

Спустя час русские эскадры высадили десанты в Бургасе и Варне, а ворота крепостей открыла «пятая колонна», немедленно устроившая там восстание болгарского населения. Благо и запасы оружия были втайне сделаны, и надежных людей, включая офицеров Генерального штаба, хватало с избытком – здесь Петр не экономил. Впрочем, болгар, сербов и прочих православных, что веками угнетались турками, уговаривать не пришлось, наоборот, еле удержали, чтобы они всеобщую резню османам не устроили.

– Повезло с божьей помощью, не иначе, – пробормотал Петр, наблюдая за блестящими в свете луны волнами. План был хорош, но все висело на волоске. Если бы в эти дни на море

был шторм, то хана полная, взять крепости и высадить десант было бы невозможно – османы успели бы приготовить «горячую встречу». Хотя, учитывая норы Суворова и упорство Ушакова, десант был бы высажен, но с потерями, тут к бабке не ходи.

Но все произошло как нельзя лучше – русские упали на турок, как снег на голову, османы даже понятия не имели, что война началась, и сразу понесли большие потери, причем везде.

Дело было в заклеенных конвертах, которые заранее вручались генералам и адмиралам, назначенным командовать в этой кампании. За месяц они полностью завершили подготовку войск и кораблей, а первого числа просто вскрыли приказы.

И началось!

Петр уже знал, что Дарданеллы захвачены лихой атакой бригады Бонапарта, этого маленького корсиканца, что уже не станет французским императором, но вот русским фельд-маршалом весьма может быть, даром, что ли, он тогда сон видел с книжкой о великих русских полководцах вкупе с Бонапартом. Не зря Суворов им восхищается, а такое отношение знаменательно.

Старый адмирал Грейг внезапным нападением уничтожил в Архипелаге турецкий флот и ворвался в пролив, как кабан в камыши, топя на своем пути все, что попадалось. И послезавтра он повторит свой знаменитый подвиг четвертьвековой давности – снова погромит с пушек Константинополь. Хотя вряд ли – адмирал Ушаков не менее его честолюбив, такой знатный приз из своих рук не упустит...

Адрианополь

– Еще одной такой атаки мы не выдержим, – Константин Петрович обвел взглядом поле боя, по которому был расстелен пестрый ковер из наваленных друг на дружку янычар. До сих пор в ушах их яростные крики, полные животной свирепости, и тот предсмертный хрип, что запоминается на всю жизнь. Что и говорить – страшный в своей неукротимости противник! И нужно благодарить Господа!

Русские с невероятным трудом удержали позицию – картечь и винтовки собрали здесь богатую, но кровавую жатву. Вот только и потери в его маленьком отряде были не просто большими, а чудовищными, особенно когда османы в одном месте взобрались на вал.

Царевич лично повел резервный взвод гренадер в штыковую атаку, которая запомнилась ему мельканием оскаленных рож, дикими воплями и хриплым русским матом.

Сам он тыкал шпагой, несколько раз угодив во что-то мягкое, так же, как и другие солдаты, яростно ругался и отдавал какие-то приказы (которые потом и припомнить не мог, хотя и старался) и очнулся от боевой горячки лишь тогда, когда все внезапно стихло и он не увидел перед собой врагов.

Мундир был разорван и залит чужой и своей кровью – левая рука была порезана ятаганом, плечо саднило от неглубокой раны. Царевича умело перевязали, и он легкомысленно, еще не отошедши от схватки, стал считать убитых врагов. И вскоре сбился...

Поручик Ермолов оказался прирожденным пушкарем, как говорится, от Бога. Шесть орудий его батареи, новенькие, казнозарядные, с тусклыми стволами, стреляли без передышки, выбрасывая клубы густого порохового дыма, в которых сноровисто копошились канониры. Без такой поддержки гренадеры не удержали бы турок, хотя выкашивали их ружейным огнем бессчетно. А потом пошли в ход гранаты...

– Ваше высочество, разрешите?!

Стоило подумать, как молодой офицер возник за спиной. На чумазом от копоти лице заодно блестели глаза. Константин указал на расстеленную рядом шинель – «присаживайся». Поручик чиниться не стал, плюхнулся, тряхнув львиной гривой волос.

– У меня осталось всего пять десятков выстрелов, ваше высочество. А с рассветом они снова пойдут.

Константин Петрович сердито засопел – новость была печальной, и это еще хорошо сказано.

– Мы не удержим позицию своими силами, Алексей Петрович, – тихо промолвил царевич. – Только пушки напрасно потеряем. А они секретные, новейшие, одна только гвардия их получать стала. А потому...

Полковник задумался на минуту, не решаясь сделать первый в своей жизни страшный выбор. Но что такое долг, он понимал прекрасно, это понятие отец ему с детства привил.

– Оставьте один взвод здесь, со всем боезапасом, а два других уводите на рысях...

– Разрешите мне самому командовать этим взводом, господин полковник?! Всех моих офицеров повыбило, а оставшийся на ногах сержант молод и вряд ли сможет толково распорядится. Зато орудия увезти сможет.

– Хорошо, Алексей Петрович, – усмехнулся царевич. Как он и предполагал, Ермолов от него не отступит ни на шаг. Из офицеров они остались здесь только вдвоем, да дай бог отцовский лейб-конвоец на ноги встать сможет, чтобы последнюю атаку с шашкой в руке встретить.

Хорунжего ранили в бедро ятаганом, много крови потерял, но не дал себя увезти в тыл. И Константин его прекрасно понимал – честь и данная присяга сильнее смерти. Донцы останутся с ним до конца...

– Не желаете, ваше высочество? Доброе, греческое.

Ермолов протянул флягу, и царевич отхлебнул из нее несколько глотков терпкого и сладкого вина. Взамен протянул раскрытый портсигар с папиросами – сам не курил, но других угощал. Тем более после боя, когда затяжка всегда приятна и желанна.

– Не курю я, ваше высочество, – тряхнул головой Ермолов, и Константин отдал портсигар казакам, что стояли за его спиной. Донцы задымили с охотой, прихватив про запас несколько папирос. Заметив такую казачью хитрость, царевич только улыбнулся.

– Берите все, станичники, да гренадер угостите с пушкарями. Достаньте мой чемодан, там несколько пачек лежат, всех наделите.

– Сделаем батюшка-царевич, – бородатый казак откликнулся и тут же исчез в подступившей темноте. Второй остался рядом, держа в руках винтовку и напряженно вслушиваясь в сумерки. Сейчас подступавшего врага не увидишь, зато услышать можно – ночь звуки хорошо держит.

Константин прилег на шинель – ночь была теплою. И тихо сказал Ермолову:

– Нам с вами немного отдохнуть нужно, Алексей Петрович. Утром мы должны быть в силах – янычары в атаку пойдут, вон как они заунывно за теми холмами молятся, отсюда слышно...

Петербург

Наглая скотина! Нет, какая мерзкая сволочь!

Екатерина Алексеевна еле сдерживала рвущуюся наружу злобу. И желала сейчас только одного – вызвать караульных лейб-казаков, чтоб они разложили этого лошеного британца, сдернув с него панталоны, да крепко всыпали ему плетей. От души – чтоб обгадился этот наглец да вопил во все горло, отведав задницей своею русское гостеприимство.

Но приходилось не только сдерживать закипающий гнев, но и продолжать лицедейство, которое затянулось вот уже на целый год. Словно дурная пьеса – с прошлого лета они с мужем носили ханжеские маски, старательно изображая религиозных аскетов, хотя оба отродясь такими не были. Даже искусственно старили себя, чтобы ввести иноземных дипломатов, сиречь патентованных шпионов, в заблуждение.

И своего добились!

Императрица получила настоящее наслаждение, наблюдая за холеным джентльменом – как тот ни старался демонстрировать британскую чопорность, надменность и невозмутимость, но она несколько раз, подсматривая за ним тайком во время молитвы, видела на лице посла гримасу легкого презрения и даже брезгливости, как ей показалось.

Спектакль удался на славу, и Като закономерно гордилась собою! Провести этого бульдога – такое дорогого стоит. И не только его, но и таких же джентльменов, лордов, рыжеволосых бестий. Двенадцать лет они с мужем вынашивали реванш, понимая, что в новой войне с турками им придется снова иметь дело с англичанами.

И своего добились – война идет уже почти месяц, но никто из дипломатов еще не сообразил, что она, по сути, уже завершилась победой. Сегодня утром благодаря искровому сообщению (созданному гением Кулибина) Като узнала, что вечно торопливый фельдмаршал Суворов с армией в полста верстах от Константинополя стоит почти у самых его ворот. А русский флот готов войти в Босфор. И главное – заняты Дарданеллы, и теперь англичане вряд ли смогут вмешаться в войну, как они это сделали в прошлый раз.

Но шут его знает, что эти высокомерные британцы могут придумать?! А потому, чем позже они узнают о падении Константинополя, тем лучше. У мужа будет больше времени, чтоб подготовить им достойную встречу, такую, какую они навсегда запомнят! Сквалыжники...

– Ваше императорское величество, – голос посла прорвался сквозь размышления, но женщина и бровью не повела, продолжая играть роль растерянной и покладистой венценосной старухи, – пять фунтов – очень достойное вознаграждение за ваших храбрых солдат, смею вас заверить.

В другое время Като надавала бы послу пощечин за такую наглость, не посмотрев на дипломатическую неприкосновенность. Но не сейчас – пусть дальше считает, что они с мужем охотно продадут кровь русских солдат за поганое английское золото.

Но каков мерзавец?!

Недаром добрая половина их лордов сколотила свои богатства на торговле! Нация торгашей, готовых продать родную мать! А другая половина уже несколько веков сколачивает состояния на пиратстве да нещадном ограблении покоренных стран! Тот же Френсис Дрейк и прочие «джентльмены удачи» стали рыцарями и лордами благодаря морскому разбою. И своим футом они даже в императорском дворце стараются мерить?! Но здесь есть русский аршин!

– Восемь, мой любезный друг! И только из-за уважения к нашему брату и вашему правительству.

Голос русской императрицы хоть и был ласковый, но звучал твердо, как железо. Она решила торговаться с английским послом всерьез, пусть думает, что достиг своей поганой цели, тем страшнее будет для него и прочих лордов разочарование.

Что удумали торгоши?! Россия выставляет на помощь пруссакам и австрийцам два корпуса по пятнадцать тысяч солдат, вооруженных новейшими ружьями. Англия же оплачивает интервенцию из расчета на каждого солдата по одному фунту стерлингов.

Като затребовала пятнадцать гиней, прекрасно осознавая всю несуразность суммы. Но умная женщина понимала, что пустыми обещаниями британцев уже не накормишь, они к русским «завтракам» привыкли. А вот торговля – совсем иная вещь, к ней островитяне относятся крайне серьезно. Ибо ими всегда движет выгода!

– Семь, – выдавил из себя посол, и Като поняла – это предельная цена, что была определена в лондонском Сити. – Но ваши войска должны быть выставлены не позднее чем через шесть месяцев.

Като демонстративно задумалась, хотя такое требование англичан она предполагала задолго до переговоров. Легко просчитывалось – как раз полгода русские раскачиваться будут, пока с турками всерьез воевать начнут. А тут хочешь не хочешь, а тридцать тысяч солдат бросай на подавление французской революции. Потому мир с турками неизбежно заключать придется – на основе статус-кво.

Вызывающе наглое требование – как к черным африканским дикарям, что польстились на стеклянные бусы. Ну, что ж, тем горше станет для них полученный урок!

Остров Шумагина

Борт корабля окутался белым пороховым дымом, орудийный грохот моментально заглушил шум прибоя, как сумасшедшие, заметались птицы, стремясь подальше улететь от людского смертоубийства.

– Вот они какие, тати морские, – задумчиво протянул сквозь зубы старый казак, пристально глядя в бревенчатую амбразуру на корабль. Усмехнулся в седую бороду.

– Они на лодках к берегу отвалили, Тимофей Иннокентьевич, – донесся до него голос Бобкова, и урядник дернул головой.

– Сам вижу!

Два баркаса, битком набитые вооруженными людьми, отвалили от борта и быстро пошли к берегу. А с корабля снова прогрехотала пушка, выплюнув очередное ядро, которое, как и первое, улетело куда-то за крышу. Видно, канониры взяли высоко прицел.

– Это тати морские, шпыни ненадобные, – глухо выругался урядник, – разномастно одеты, твари. Воинской формы ни на ком нет!

Старик повернулся и посмотрел на молодых казаков. Несмотря на царящие сумерки, лица станичников не выделялись знакомой ему с первых дней службы белизной – когда смертушка заглядывает прямо в глаза. Нет, не испуганы были казачки, не испуганы. Насторожены, волнение на лицах проступает явственно. Но вот страх, что тело сковывает железными цепями, у них напрочь отсутствовал.

– Сенька, подь со мною, – урядник дошел до двери и, отодвинув заплот, вышел наружу, пригнувшись под низкой притолокой. За ним шагнул племянник, цепко сжимая в крепких руках барабанную винтовку.

Пермяков осмотрелся – ворогу было плыть еще далеко, но время уже поджимало. Ведь враждебные лодки требовалось обстрелять, дабы супостат кровушкой хорошо омылся, перед тем как на российский берег вступить. Вот она, служба казачья – живешь, но ведаешь, когда буйную головушку придется сложить. Зато хоть знаешь, где это произойти может – иль на беспокойной монгольской границе, либо от копья немирных, до боя лютых чукчей, или вот здесь, на далеких Алеутских островах, за тысячи верст от родимого дома в далекой Тунке, на берегу голубого Иркутта, в отчаянной и последней схватке с морскими татями.

– Вот что, Сеньша! Беги к алеутам! Там малый коч стоит! В Петровске должны знать, что здесь тати лютуют, пусть шлюпы воинские на розыск вышлют. Ты меня понял, паря?!

– А что я...

– А то, – взревел некормленным медведем старый казак, – юн ты еще, и хуже нас стреляешь. Зряшно погибнешь только! Их в лодках битком набито, десятка три, если не больше. Не устоим мы, ибо ведают ухари про государев амбар, за шкурками и пришли. Потому воеводу упредить нужно, чтоб меры предпринял и их отсюда уже не выпустил. А то они другим разбойникам сюда дорожку протопчут и не посмотрят, что волны кругом.

Урядник улыбнулся своей незамысловатой шутке, крепкими руками обнял племянника и, развернув его, толкнул.

– Бегом беги, каждая секунда дорога! Это мой приказ тебе, и ты должен его исполнить кровью из носу. Бегом, казак!

Юноша, подхлестнутый свирепой командой старого урядника, резво рванул с места, крепко держа ружье и ловко перепрыгивая с камня на камень. И вскоре скрылся за скалой.

– Прощай, племяш, – тихо прошептал старик, но вот потерянным он не был. Глаза засветились пронзительным огнем, крепкое, отнюдь не старческое тело подобралось, и он упругим шагом, что называют волчьим, быстро вошел в блокгауз.

– Когда стрелять-то, Тимофей Иннокентьевич, прикажешь? Близко лоды воровские подплыли, – встретили его вопросом казаки.

– А вот сейчас и зачем их пулями метить, но токмо по моей команде. Издали бить начали бы, так попасть трудно, а они – пушками. А так идут безбоязненно, сторожку не блюдут. На сотне шагов мы их пометим. Ты, Ваньша, по второй стреляй, а мы по первой палить будем. Окропим волны красненьким, пусть знают, как в гости незванными хаживать!

Урядник высунул в амбразуру ружье, прижал приклад к плечу и прицелился в уже ясно видного плечистого бородача в сером кафтанчике, голова которого была обвязана красным платком. Пират энергично размахивал рукою, отбивая счет гребцам.

– Пали по ворогу, робяты! – громко скомандовал урядник и плавно потянул пальцем спусковой крючок. Винтовка оглушительно бабахнула, приклад толкнулся в плечо. Барабан со скрипом повернулся, ставя новый патрон перед стволом. А дым уже рассеялся, и урядник усмехнулся – бородач свалился за борт, только брызги во все стороны разлетелись. Еще одному пирату разнесло буйную голову – пули у «кулибинок» тяжелые.

– Пали каждый по себе, казаки. К берегу татей подпускать нельзя, острожек свой тогда не удержим! Слишком много их в лодки набилось. Пали, с нами Пресвятая Богородица!

День второй 28 июня 1797 года

Босфор

Яркие звезды отражались маленькими серебристыми пятнышками, будто щедро рассыпанные из кошелька монеты, на свинцовой глади пролива, завораживая, притягивая взор.

Но сейчас тайно крадущимся русским было не до красот – беззвучные черные тени скользили без шепота и звука, на тусклых стволах и зачерненных клинках не играло своими лунными блесками ночное светило.

Капитан первого ранга Михаил Максимов очень осторожно спрыгнул, не хватало сейчас повредить ногу, на утрамбованный до каменной твердости пол, подняв над головой руку.

Сигнал увидели – зря, что ли, полурота отчаянных морских пехотинцев перед этой ночью два пуда конфет с сахаром употребила – сладкое способствует ночному зрению.

– Что там?

– Спали все...

Со сдерживаемым смешком, в котором чувствовалось немалое облегчение, донесся тихий шепот, и офицер тоже усмехнулся в ответ, понимая, что продолжения не последует – вырезали вначале караульных, а потом и весь гарнизон берегового форта без звука; никто из османов и не пикнул.

Такая нарочитая безмятежность врага его бы в другое время насторожила, но моряк давно и хорошо знал османов – яростные до упоения в бою, но абсолютно беспечные ночами, их можно было брать голыми руками, что сейчас и продемонстрировали высадившиеся на берег диверсанты. Хотя вряд ли многие из них и слыхивали о таком слове.

Да турки и не смогли бы закупорить пролив с форта!

Укрепления вызвали у битого морского волка мысленный смех. Глинобитные стенки, а то и просто сложенные без раствора камни, пушки времен Крымских походов князя Голицына, разнотипные, а то и более ранние, перетянутые обручами, как в эпоху царя Ивана Грозного.

У некоторых из них, с короткими стволами, но широченными жерлами (голову можно спокойно просунуть, и еще место для кулака останется), лежали большие каменные, хорошо обтесанные шары. Да, если такое прилетит, то корабельный борт проломит запросто. Но будь это нормальная бомба, то та просто любой линейный корабль если бы не уничтожила одним махом, вызвав взрыв крюйт-камеры, то вывела бы махом из строя, устроив на борту знатный пожар.

Но скорее произошло бы первое – тут Максимов вспомнил, как много лет тому назад прицепленные им, тогда еще молодым мичманом, с капитан-лейтенантом Хорошкиным к днищу турецкого корабля в Очаковском лимане мины вызвали именно такой взрыв, почти мгновенно потопив линкор, – детонация крюйт-камеры – штука страшная.

– Сигнальщикам в дело, – тихо приказал офицер, и три тени беззвучно проскочили мимо него, держа большие короба в руках, и вскоре короткие яркие вспышки ушли в сторону моря.

Максимов прислушался, чувствуя всей спиной порывы ветра. Погода явно благоволила к ним – ветер шел в море, а не наоборот, что было намного хуже. Потому что, несмотря на эти порывы, он слышал из темноты неясный шум, более всего напоминающий грохот паровых двигателей. Это русский флот шел в вожденный Босфорский пролив...

Адрианополь

Пушки дружно рывкнули, выпустив длинные клубы дыма и подпрыгнув на месте. Канониры тут же подскочили к орудиям.

Раз – замки раскрыты и отошли в сторону, жестяная гильза упала на землю, звякнув о грудку таких же, небрежно отодвинутых ног – чтоб не мешали.

Два – цилиндр картечи заслан в ствол, за ним последовала жестянка порохового картуза.

Три – с лязгом закрыт замок, до щелчка. И звонкие возбужденные голоса тут же доложили, сдерживая в себе бешенство боя:

– Первое готово!

– Второе готово!

Молодой поручик прищуренными глазами посмотрел на катящуюся пеструю толпу, распаленную от пролитой крови и запаха пороха и смерти – янычары без страха накатывались на невысокий вал, откуда продолжали стрелять русские, окруженные со всех сторон.

– Выстрел!

Пушки тут же оглушительно рывкнули – снопы картечи со ста шагов разворотили наступающих толпою османов. Десятки турок повалились на землю, по телам, вопящим от смертельной боли, тут же полезли другие, затаптывая мертвых и раненых.

Константин Петрович с ледяным хладнокровием отстраненно наблюдал за этой бойней сверху. Не до того царевичу было – громко сквернословя, он забивал магазин винтовки патронами, проклиная, что Кулибин сделал его только на шесть патронов.

– Первые ружья вообще на четыре патрона были, ваше высочество!

Голос хорунжего конвоя был на удивление спокоен, но сам казак был залит кровью, своей и чужой, от головы до пят, ухитрившись потерять половину своей бороды. Как и где – этого Константин припомнить не мог, но вроде бы порохом сожгло.

– Гранаты к бою!

Звонкая команда прокатилась по окружившим пушки гренадерам, но лишь немногие, не больше десятка, достали из сумок тяжелые цилиндры на длинных ручках – «толкушки», как они назывались в обиходе. И вот они, кувыркаясь и испуская дым, полетели в набегающую толпу.

– Укройся! – последовала запоздавшая команда, и царевич присел за высоким бруствером, сложенным из человеческих тел – меньше в защитных русских мундирах и намного больше в пестрых рубашках и шальварах. Но сейчас один цвет превалировал на истерзанных пулями и осколками телах – алый, цвет обильно пролитой крови.

Царевич пригнул голову, хоть и защищенную доброй железной каской, но получить лишний осколок до звона в ушах он не желал. И в ноздри, забитые пороховым дымом, тут же ворвался другой запах – сладкий, выворачивающий душу наизнанку вкус смерти и тлена. И немудрено – бой шел уже чуть ли не сутки, а жара стояла несусветная.

Взрывы чуть трянули «бруствер», горячий воздух ожег лицо. Константин Петрович положил винтовку на лежащее сверху тело и выстрелил.

Он не целился – промахнуться с трех десятков шагов по вопящей от ярости человеческой стене просто невозможно. Рядом с ним палили гренадеры и канониры, лихорадочно передергивая затворы.

Прямо на глазах турки валились снопами, но места павших тут же занимали другие, такие же свирепые. Он дослал затвор, потянул за спусковой крючок – сухо щелкнуло, без выстрела. Царевич похолодел – патроны кончились, теперь врага не остановить.

Но вместо страха в душе появилось отчаянное веселье, оно забурлило и выплеснулось лихой решимостью – ну, что ж, нет пана, тогда пропал, но чтоб врагу тошно стало!

– Вперед, ребята! На штык бери нехристей!

Свой дикий крик Константин Петрович услышал словно со стороны и не узнал собственный голос. Но его руки одним движением уже примкнули длинную, свыше десяти вершков, остро заточенную полоску стали, заигравшую на солнце огненными бликами.

И еще он увидел, как рядом с ним встают, оцетинившись такими же острыми штыками, с отчаянными глазами и ожесточившимися лицами, русские солдаты – в изорванных мундирах, окровавленные, но не побежденные. Таких еще можно свалить на землю, но победить их уже нельзя...

Стокгольм

– Эта сволочь еще хуже своего братца!

Посол России в Швеции граф Семен Романович Воронцов, еще крепкий телом мужчина, но с обильной сединой в волосах, с тяжелым вздохом опустился в дубовое кресло.

Последние две недели он провел в лихорадочной деятельности – с началом войны с Турцией по Стокгольму стали ходить очень неприятные слухи о том, что пора бы Швеции воспользоваться удачным моментом и вернуть свое исконное балтийское наследие – ливонские земли с городами Ригой и Ревелем. Нехорошие такие разговорчики пошли, словно с одного источника, уж больно похожи. Семен Романович с ног сбился, расшевелил всю свою многочисленную агентуру и недавно узнал, откуда ноги растут, вернее, языки. А вели они прямоком к королевскому дворцу, к его величеству Карлу, под несчастливым (хотя это с какой стороны посмотреть) тринадцатым номером...

Швеция, потерявшая свое могущество в ходе Северной войны, находилась тогда под скипетром Карла XII, легендарного воителя, павшего в конце концов при осаде норвежской крепости, причем, судя по всему, от пули, что была выпущена из шведских траншей.

Попытку реванша в Стокгольме предприняли через двадцать лет после подписания Ништадтского мира. Вот только эта война для них закончилась ничем, только деньги зря на ветер выбросили. После чего более чем на полсотни лет наступила тишина. Даже четырнадцать лет назад, когда русские с турками сцепились в очередной раз, шведы остались безучастными к призывам Англии, подкрепленным звоном презренного металла, ударить по восточному соседу.

Но потомкам викингов тогда было не до войны – неожиданно скончался молодой король Густав III, не оставив наследника. Как подозревали многие, короля вульгарно отравили, и не без помощи его брата Карла, герцога Зюдерманландского. Но разговоры вскоре затихли, ибо новый король оказался крутоват, да к тому же из тех мерзавцев, что любое соглашение считали клочком бумаги.

– Нет, ну каков сукин сын!

Воронцов чуть не сплюнул, хотя долгая дипломатическая карьера отучила его от брезгливости. Но тут дела пошли крайне нехорошие – еще за год до воцарения кронпринц женился на юной цесаревне Елизавете, дочери Петра Федоровича.

Шведское общество восприняло этот брак благосклонно – давняя распря с русскими получила благополучное разрешение, хотя споры между дворянством, затаенно мечтающем о реванше, и третьим сословием, что с восторгом приняло чрезвычайное оживление торговли с Россией, причем беспощинное, продолжались.

Но уже без прежнего ожесточения – и «шляпы», и «колпаки» (а так называли этих противников) умели подсчитывать дивиденды, полученные от торговли с богатым соседом.

Дарданеллы

– Павел Александрович, турки идут!

Требовательный голос разбудил задремавшего в тени бригадира, и тот резко вскинулся с барабана, на котором сидел, прислонив голову к зарядному ящику. Потер ладонью лицо, прогоняя липкий налет столь желанного сна, ведь последние три дня он даже не спал, а так, чуть-чуть, как говорят сами русские, урывками...

Спать, спать и спать!

Этого яростно требовало тело, но воля, собранная в железный кулак, безжалостно победила, доказав примат духа над плотью. За эти семь дней маленький офицер осунулся, почернел лицом, но внутри царило ликование – он добился яркой победы, и теперь его имя войдет в историю. И пусть завидуют другие! Но первым русским, вставшим твердою ногою на берегу и преградившим путь в Дарданеллы, легендарный греческий Геллеспонт, стал именно он!

– Ал-ла!

Порыв горячего восточного ветра донес до него знакомые крики – османы лихорадочно суетились на порядочном расстоянии, но на приступ не шли. Слишком кровавым оказался данный им урок – русские стрелки выкашивали турецких аскеров с запредельного расстояния для ответной стрельбы. И не из гладкоствольных ружей, что едва стреляли на три сотни шагов, а из небольших пушек, бивших втрое дальше.

Именно на артиллерию рассчитывали эти воины в тюбанах и узорных шальварах, и тем горше для них было узнать, что нарезные ружья гяуров легко добивают на тысячу шагов. И орудийная прислуга на гладком, как стол, поле расстреливалась русскими солдатами намного быстрее, чем успевала зарядить свои пушки. Хотя трудились турецкие канониры с изрядной сноровкой и поспешностью.

Бригадир любил войну всем сердцем, как ни странно звучит для этого зачастую кровавого ремесла, – по карьере военного он пошел с самого детства. Трудности на тернистом пути бога войны Марса были не просто огромные, а почти непреодолимые.

Мелкий дворянчик с далекой Корсики не мог рассчитывать на гладкую дорогу в жизни – учеба в Военной школе давалась легко, он имел дарование к наукам и учебе. И не просто любил скучную для ленивых учеников математику, а превосходно, как никто из кадетов, владел цифрами, лучше, чем аристократы – своим обеденным прибором.

Дарования – это одно, а рассчитывать на блестящую карьеру в королевской французской армии нельзя – места на ее вершине предназначались для рафинированных аристократов с длинными родословными и вычурными гербами. Да и службу выбирать не приходилось – в богатую кавалерию для него, в силу происхождения, путь был полностью закрыт, в пехоте карьеру быстро не сделаешь, зато в артиллерии, как в самом ученом роде войск, наиболее требовались его блестящие математические способности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.